

Ночь прошла под звуки страсти, словно песня феникса в весеннем саду.

Когда Цзю Линь открыл глаза, он был завернут в парчовое одеяло, а рядом никого не оказалось. Он сел, некоторое время ошарашенно оглядывая незнакомую обстановку. Вдруг воспоминания о вчерашней ночи нахлынули на него, и он застыл. Опустив взгляд и увидев на своем теле множество красно-фиолетовых следов, Цзю Линь снова повалился обратно.

Черт, лучше бы я умер. Я ведь правда позволил этой улыбающейся лисе себя уложить!

Когда он снова лег, раздался отчетливый звон железа. Цзю Линь опешил, резко откинул одеяло и выругался.

Проклятье, ну и мерзавец же этот Цзи Чанъянь!

Он приковал его к кровати!

Цзю Линь с силой дернул за оковы на ногах. Они оказались тяжелыми, на вид килограммов двадцать, выкованные из чистого железа — о том, чтобы разогнуть их грубой силой, нечего было и думать.

Неужели он действительно надел на него тяжелые кандалы для особо опасных преступников? С ума он, что ли, сошел?

Цзю Линь был готов пнуть стойку кровати, чтобы проверить, не рухнет ли эта чертова конструкция, но, взглянув на опоры толщиной в его руку, решил оставить эту затею.

Ладно, к чему изображать бессильную ярость, только потешать эту лису.

Цзю Линь повернулся на бок, лицом к стене, не желая видеть ничего вокруг. Позор, какой же невероятный позор. Он ведь пришел сюда, чтобы совершить покушение, а в итоге преподнес себя на блюдецке!

В тронном зале Цзи Няо невозмутимо попросил отпуск для Цзю Линя: Ваше Величество, генерал Цзю вернулся в столицу издалека, изнуренный долгой дорогой, он почувствовал недомогание и хотел бы отдохнуть в своей резиденции несколько дней. Просил меня передать вам свою просьбу.

Как только эти слова прозвучали, среди чиновников поднялся гул.

Главный секретарь Цзи, даже если вы врете, надо же знать меру! Вспомните, как генерал Цзю вчера к вам относился — и вы хотите, чтобы мы поверили, что он сам просил вас об этом? Мы, конечно, трусоваты, но не настолько же глупы.

Цзи Няо обвел взглядом собравшихся гражданских и военных чинов. На губах его играла легкая улыбка, и, судя по всему, он пребывал в отличном расположении духа. Впрочем, никому не было дела до его настроения. Все лишь почувствовали, что от одного этого взгляда можно умереть, и благоразумно прикусили языки.

Хорошо, хорошо, пусть великий генерал как следует отдохнет в своей резиденции, не стоит ему беспокоиться о государственных делах, — улыбаясь, ответил Император Тайчу, ни на миг не

усомнившись в словах Цзи Няо. — Господин Цзи, после окончания утреннего доклада сходите от моего имени навестить генерала Цзю.

Император улыбался, демонстрируя милость, безграничную, словно море, совершенно не заботясь о том, в каком состоянии находится сам генерал и чего он на самом деле хочет.

Цзи Няо почтительно склонился: Слушаюсь, Ваше Величество.

Чиновники про себя изрыгали проклятия. Эти двое, государь и подданный, окончательно потеряли всякий стыд! Цзю Линь был человеком безупречным, с открытым сердцем и ненавистью ко злу; еще в юности в городе Фэнцзин он славился чистотой помыслов, как никто из отпрысков знатных родов. С чего бы ему вдруг желать видеть такого ничтожного человека, как Цзи Няо?

И почему, едва вернувшись, генерал сразу же ушел в отпуск? Если уж он и взял перерыв, то почему от его имени говорит именно этот интриган Цзи Няо? Неужели генерал уже стал жертвой козней этого негодяя?

Чиновники переглядывались, и на душе у каждого крепло дурное предчувствие. Вероятно, если жизни генерала Цзю ничего и не угрожает, то он уже наверняка находится под домашним арестом, который устроил этот предатель. Иначе как бы тот посмел так нагло заявлять, что великий генерал болен?

В лагере в пригороде помощник генерала Тань Ху, нахмурившись, стоял посреди штаба, окруженный несколькими тайными стражами.

Генерал Тань, командующего нет так долго, что нам делать? — тревожно спросил один из них.

Пока что поводов для беспокойства нет, — Тань Ху смотрел вдаль, его брови были плотно сдвинуты.

Он тоже волновался, но, казалось, причин для паники пока не было. Двор боялся генерала и еще больше боялся сорокавосемитысячного войска за его спиной. Если с генералом что-то случится, они поднимут восстание, и нынешний двор с этим просто не справится. Значит, сейчас генерал должен быть в безопасности. Только вот в каком он положении — неизвестно.

Впрочем, предатель Цзи Няо чувствовал себя прекрасно. Лазутчики донесли, что он еще рано утром отправился на доклад во дворец с довольным и свежим видом. Если только этот человек не мазохист, генерал определенно не позволил ему остаться в выигрыше.

Тань Ху вздохнул: Подождем еще. Если к вечеру генерал не вернется, вы двое пойдете со мной в резиденцию Цзи требовать его возвращения.

Слушаюсь, генерал.

После окончания утреннего собрания Цзи Няо впервые не зашел во Внутренний кабинет, а

сразу отправился в резиденцию Цзи. Огромная усадьба казалась пустой, будто в ней почти никто не жил. Но если присмотреться, можно было заметить, что повсюду расставлены наблюдатели. Даже слуги, подметавшие дворы, были мастерами боевых искусств.

Цзи Няо напрямик направился во внутренние покои. Едва он распахнул дверь, в него полетела подушка, а следом раздался яростный крик: Убирайся вон!

Цзи Няо уклонился, позволив подушке упасть на пол, и усмехнулся: У генерала такой крутой нрав. Может, вы недовольны тем, как я обслужил вас прошлой ночью?

Говоря это, он вошел в комнату и присел на край кровати. Цзю Линь, лежавший спиной к нему, обернулся и гневно выпалил:

Цзи Чанъянь, ты... совсем совесть потерял, да?

Как у тебя язык поворачивается такое говорить! Как я раньше не замечал, что у тебя такая толстая кожа? Насколько же я был слеп, раз считал тебя нежным, как нефрит, и беззащитным!

Цзи Няо с улыбкой поднялся, подошел к изножью кровати, достал из рукава ключ и отпер кандалы: Вы злитесь, что я держал вас здесь?

А сам-то не знаешь? — едва обретя свободу, Цзю Линь попытался пнуть его.

Удар не достиг цели, а его лодыжку перехватили чужие руки. Цзи Няо улыбнулся так мягко и невинно, что это казалось почти искренним: Генерал, вы действительно хотите свести со мной счеты вот так?

Отпусти, — Цзю Линь разозлился, пытаясь вырваться.

От того, что его лодыжку сжимали те же руки, что и ночью, он не мог понять, злится он или стыдится. Невольно всплыло воспоминание, как этот человек держал его за ноги... По всему телу разлилась острая, словно электрический разряд, дрожь, поднимаясь от живота к самому затылку, заставляя кожу покрыться мурашками.

Цзю Линь осознал, что его тело предательски отозвалось на это прикосновение, от чего он пришел в еще большее бешенство. Цзи Няо, конечно, не упустил из виду эту неловкую реакцию, с улыбкой разжал пальцы и, подперев подбородок рукой, посмотрел на него: Похоже, в прошлую ночь я постарался на славу, раз генерал так быстро распробовал вкус этой неги.

Цзю Линю хотелось прихлопнуть его одной левой.

Цзи Чанъянь, не умеешь говорить — прикуси язык! — в отчаянии выкрикнул он и, забыв о попытках оттолкнуть его, зажал ему рот рукой.

Цзи Няо рассмеялся, целуя его ладонь: Хорошо, молчу.

Взгляд его, полный глубокой нежности, казалось, был готов затопить всё вокруг: Генерал, я уже давно отдал вам свое сердце. Умоляю, сжальтесь надо мной.

Он говорил это с таким мягким выражением лица, с таким прозрачным, послушным и в то же время жалобным взглядом, что напоминал добропорядочную девушку, которая по ошибке отдалась распутному гуляке и теперь со слезами молит его не бросать ее.

Цзю Линь про себя выругался и отвернулся: Твою ж мать, хочешь делать — делай, нечего тут

прикидываться несчастным!

Черт возьми, ведь это его уложили в постель, так почему тот, кто это сделал, выглядит как покорная женушка? И что еще больше бесило — у него самого просто не хватало сил отказать!

<http://bllate.org/book/22361/2344377>